

Даниэла
тмл

Даниэла
тмл

Перепутье

ACT
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С 80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
CROSSINGS

Перевод с английского

Серийное оформление *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*,
студия «FOLD&SPINE»

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Morton L. Janklow Associates и Prava I Prevodi
International Literary Agency.

Стил, Даниэла.
С 80   Перепутье : [роман : перевод с английского] /
Даниэла Стил. — Москва : АСТ, 2015. — 384 с. — (Да-
ниэла).

ISBN 978-5-17-088775-0

Это — история жизни Лианы де Вильер. История жизни не-
легкой и увлекательной, полной опасных приключений. Исто-
рия женщины, которая встала перед нелегким выбором — вы-
бором между чувством долга, заставлявшим ее хранить верность
отважному мужу-разведчику, и страстной, непреодолимой лю-
бовью к человеку, которому она втайне отдала свое сердце...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Danielle Steel, 1982
ISBN 978-5-17-088775-0   © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Дом № 2129 возвышался на Вайоминг-авеню во всем своем гордом великолепии. Его серый гранитный фасад, богато декорированный каменной резьбой, был украшен большим золотым гербом и флагом Франции, тихо парящим в порывах налетавшего легкого бриза. Это был, вероятно, последний бриз перед летним затишьем — стоял июнь. Июнь 1939 года. Последние пять лет пролетели незаметно для Армана де Вильера, посла Франции.

Он сидел у себя в кабинете, окна которого выходили в сад. На один миг отсутствующий взгляд Армана задержался на фонтане, но он усилием воли заставил себя вернуться к горе бумаг на столе. Плывущий в воздухе аромат сирени мешал ему сосредоточиться на срочной работе, которой накопилось слишком много. Он уже знал, что сегодня придется сидеть в кабинете допоздна, как это часто случалось в последние два месяца, ведь он готовился вернуться во Францию. Он знал, что запрос на его возвращение уже получен, но еще тогда, в апреле, когда послу впервые сказали об этом, сердце его на мгновение болезненно сжалось. Даже теперь мысль о возвращении домой вызывала в нем смешанные чувства. То же самое он испытывал, когда покидал Вену, Лондон, Сан-Франциско и другие города, где работал прежде. Но связь с Вашингтоном оказалась еще сильнее. Везде, где бы ни служил, он пускал корни, обзаводился друзьями, и поэтому переезжать всегда было трудно. На этот раз он не переезжал, а возвращался домой.

Домой. Сколько времени прошло с тех пор, как уехал отсюда! Но теперь он был очень нужен дома. Во всей Европе чувствовалась напряженность, везде происходили перемены. Арман часто ловил себя на том, что живет только ежеднев-

ными сообщениями из Парижа, которые давали ему представление о том, что там происходит. Вашингтон, казалось, находился на расстоянии многих световых лет от проблем, осаждавших Европу, от страха, заставлявшего трепетать Францию. В этой неприкосновенной стране бояться было нечего, а вот в Европе теперь никто не чувствовал себя в безопасности.

Всего год назад все во Франции были уверены, что надвигается война, хотя многие и пытались скрыть свой страх. Но от правды не спрячешься. Он так и сказал Лиане. Когда четыре месяца назад закончилась гражданская война в Испании, стало ясно, что немцы совсем близко, их аэродром под Айруном приблизил немцев к Франции на расстояние нескольких миль. Но даже сознавая это, Арман понимал, что есть люди, которые не хотят видеть происходящего. В последние полгода Париж расслабился, по крайней мере внешне. Арман убедился в этом, когда на Пасху ездил домой, чтобы принять участие в секретном совещании в Центральном бюро; там он и был поставлен в известность, что его миссия в Вашингтоне заканчивается.

В Париже его постоянно приглашали на шикарные званые вечера, что разительно контрастировало с прошлым летом, когда Мюнхенское соглашение с Гитлером еще не было подписано. Тогда везде ощущалось невыносимое напряжение. Теперь же оно сменилось бешеным оживлением. Париж снова стал самим собой. Вечеринки, балы, оперные спектакли, шоу следовали непрерывно, словно людям казалось, что, если они будут продолжать смеяться и танцевать, война никогда не придет во Францию. Армана раздражало фривольное веселье его друзей во время пасхальных праздников, хотя он и понимал, что так они прячутся от своего страха. Вернувшись в Вашингтон, он сказал Лиане:

— Они смеются от страха. Стоит им перестать смеяться — и они завоют от ужаса и побегут прятаться.

Но смех не мог остановить приближения войны, не мог остановить медленного, но неуклонного марша Гитлера по Европе. Иногда Арману казалось, что никто не сможет остановить этого человека. Он считал Гитлера чудовищем, и хотя многие высокопоставленные лица соглашались с ним, нахо-

дились и такие, кто думал, что Арман стал слишком нервным за долгие годы работы в Штатах и превращается в трусливого старикашку.

— Это жизнь в Америке сделала тебя таким, старина, — дразнил его в Париже ближайший друг. Он был из Бордо, где они с Арманом вместе росли; теперь друг стал директором трех крупнейших банков во Франции. — Не будь глупым, Арман, Гитлер никогда нас не тронет.

— Англичане не согласились бы с тобой, Бернар.

— Они такие же трусы, хотя и обожают свои военные игры. Потому-то они и влезают в заварушку с Гитлером. Им больше делать нечего.

— Какая чепуха! — Обычно Арман сохранял сдержанность, но Бернар был не первым, от кого он слышал насмешки над англичанами. Проведя в Париже неделю, он покидал его почти в ярости. Арман допускал, что американцы могут не сознавать опасности, с которой столкнулась Европа, но от своих собственных соотечественников этого не ожидал. У него был собственный взгляд на происходящее, он отчетливо видел, что угроза велика, Гитлер очень опасен, а беда может скоро обрушиться и на них.

«А может быть, — думал он по дороге домой, — может быть, Бернар и другие правы?»

Возможно, он сам слишком напуган, слишком беспокоится за свою страну. Во всяком случае, хорошо, что он возвращается во Францию. Там он сможет лучше ощущать бичение ее пульса.

Лиана привыкла к сборам и переездам, поэтому спокойно восприняла новость о предстоящем отъезде. Очень внимательно выслушала она рассказ о настроениях в Париже. Она была умна и за годы жизни с Арманом научилась хорошо разбираться в международной политике. Она очень многое узнала от него, с самого начала совместной жизни стараясь как можно лучше понять его взгляд на вещи. Лиана была еще очень молода и жадно стремилась узнать все о его жизни и работе, о странах, куда его назначали, о его взаимоотношениях с различными политическими деятелями. Он улыбался про себя, вспоминая последние десять лет. Как губка, она жадно впитывала каждую капельку информации.

Теперь у нее появились собственные взгляды, и она часто не соглашалась с мужем; даже когда их точки зрения совпадали, она подчас тверже отстаивала свою позицию. Одно из самых яростных столкновений между ними произошло несколько недель назад, в конце мая, из-за парохода «Св. Людовик», который с 937 евреями на борту, высланными из Гамбурга, направлялся в Гавану. В Гавану эмигрантов не пустили, и они были обречены на голодную смерть из-за того, что корабль не мог войти в порт. Многие пытались помочь эмигрантам найти пристанище — ведь в противном случае им пришлось бы вернуться в Гамбург, где их ожидала верная гибель. Лиана говорила о них с президентом, воспользовавшись тем, что знает его лично, но все оказалось безрезультатным. Американцы отказались принять беженцев, и Арман видел, как рыдала Лиана, когда все ее усилия, так же как усилия других, ни к чему не привели. С корабля сообщали о том, что эмигранты скорее разом покончат жизнь самоубийством, нежели вернутся в Гамбург. Наконец Франция, Англия, Голландия и Бельгия проявили милосердие и согласились принять эмигрантов. Ссора между Арманом и Лианой не утихла. Впервые в жизни она разочаровалась в своей собственной стране, и ее гневу не было предела. Арман также от всей души сочувствовал беженцам, он полностью разделял позицию Лианы, но все-таки считал, что у Рузвельта, видимо, были свои причины, чтобы отказать принять евреев-беженцев. А Лиану сердило именно то, что Арман был готов принять позицию Рузвельта, ей казалось, что ее предали. Она считала Америку страной богатства и изобилия и родиной свободы. Муж пытался объяснить ей, что частное мнение — это одно, а позиция правительства — совершенно другое и что иногда президенту приходится принимать жесткие решения, и нельзя осуждать его за это. Важно то, что людей удалось спасти. Несколько дней Лиана не могла успокоиться. Уже после того, как конфликт разрешился, она имела длинную и даже несколько резкую беседу с первой леди Америки, женой президента Рузвельта. Миссис Рузвельт разделяла чувства Лианы. Она приняла судьбу пассажиров «Св. Людовика» так же близко к сердцу, но так и не смогла убедить мужа изменить решение. Соединенные Штаты должны уважать свои зако-

ны, а количество немецких евреев-эмигрантов превышало годовую квоту. Миссис Рузвельт напомнила Лиане, что в итоге для беженцев все кончилось благополучно.

После этого случая Лиана осознала всю тяжесть положения людей в Европе, она вдруг по-новому поняла, что происходит там, вдали от вашингтонских дипломатических обедов. И твердо решила вернуться с Арманом во Францию.

— Тебе не грустно покидать родину, дорогая?

Они сидели за тихим семейным обедом, он смотрел на нее с нежностью. Лиана покачала головой.

— Я хочу узнать, что происходит там, в Европе, Арман. Здесь мы так далеки от всего этого.

Лиана улыбнулась ему, в этот миг она любила его даже больше, чем прежде. Случай со «Св. Людовиком» был окончательно забыт. В конце концов, они провели вместе десять необыкновенно счастливых лет.

— Ты действительно думаешь, что скоро начнется война?

— Но не в твоей стране, дорогая.

Арман никогда не упускал случая напомнить ей, что она американка. Он считал, что она должна сохранить чувство родины, чтобы ее не подавляли его взгляды и его связи с Францией. В конце концов, она была отдельной самостоятельной личностью и имела право на собственное мнение. До сих пор их точки зрения по всем вопросам совпадали, а возникающие время от времени разногласия, казалось, только укрепляли любовь. Он уважал ее мнение так же, как и свое собственное, и восхищался упорством, с каким она отстаивала то, во что верила. Она была сильной и умной женщиной. Он относился к ней с большим уважением с того самого дня, когда в Сан-Франциско познакомился с ней, тогда еще пятнадцатилетней девушкой. Она казалась восхитительным ребенком небесной красоты, но при этом обладала обширным кругозором и удивительной для такой юной девушки мудростью, которой была обязана уединенной жизни со своим отцом, Гаррисоном Крокеттом, владельцем крупнейшей пароходной компании.

Арман хорошо помнил, как увидел ее впервые в саду консульства в Сан-Франциско — в белом льняном летнем платье и большой соломенной шляпе. Она молча слушала кого-то

из взрослых и вдруг повернулась к нему с сияющей улыбкой, говоря что-то на безупречном французском. Отец очень ею гордился.

Арман улыбнулся, вспомнив отца Лианы. Гаррисон Крокетт был очень своеобразный человек. Суровый и в то же время мягкий, красивый и благородный, он посвятил жизнь своей единственной дочери и делу, в котором добился блестящих успехов. Он преуспел в жизни.

Они познакомились ближе на неофициальном обеде, устроенном предыдущим консулом перед отъездом из Сан-Франциско в Бейрут. Арман знал, что Крокетт туда приглашен, но был уверен, что тот не придет. Большую часть времени Гаррисон Крокетт проводил в стенах своей каменной бродвейской крепости, выходявшей окнами на залив. Его брат Джордж, один из самых знаменитых в Сан-Франциско холостяков, пользовался популярностью благодаря не столько своему обаянию, сколько своим связям и громадному успеху брата. Но, к невероятному удивлению собравшихся, Гаррисон на обед явился. Он разговаривал мало и скоро ушел, однако успел очаровать Одиль, жену Армана. Крокетт произвел на нее такое сильное впечатление, что она решила во что бы то ни стало пригласить его с дочерью на чай. Во время обеда Гаррисон рассказывал Одиль о дочери. Особенно он гордился тем, как она владеет французским. С довольной улыбкой он сказал, что она «необыкновенная девушка». Когда Одиль передала мужу эти слова, Арман не смог сдержать улыбки.

— Похоже, что дочь — его единственная слабость. Он выглядит совершенно бесчувственным, — заметил он.

Но Одиль не соглашалась с ним.

— Нет, Арман, ты ошибаешься. По-моему, он очень одинок. И безумно любит дочь...

Одиль была недалека от истины. Вскоре они узнали, что много лет назад Крокетт потерял девятнадцатилетнюю жену, в которой души не чаял.

Всю жизнь Гаррисон был занят своей паровой империей. Лишь однажды он подумал о женитьбе и сделал превосходный выбор.

Арабелла Диллингхэм Крокетт была блестящей красави-

цей. Чета Крокетт давала самые грандиозные балы в городе. Арабелла проплывала через залы построенного для нее огромного дворца, сверкая рубинами, привезенными специально для нее с Востока, бриллиантами величиной с яйцо и диадемой от Картъе на золотых локонах. Своего первенца они ждали как Второго пришествия. Однако, несмотря на присутствие врача, которого Гаррисон выписал из Англии, и двух акушерок, Арабелла умерла при родах, оставив на его руках новорожденную девочку, на которую он перенес свое обожание.

Первые десять лет после смерти жены Гаррисон выходил из дома только по делу — когда шел к себе в контору. Пароходство Крокетта стало самым крупным в Штатах, его торговые суда перевозили грузы на восток, а два красавца лайнера совершали рейсы на Гавайи и в Японию. Кроме того, пассажирские суда Крокетта курсировали вдоль Западного побережья Соединенных Штатов.

Крокетта интересовали только его корабли и его дочь. Почти десять лет он не встречался ни с кем из своих старых друзей и поддерживал отношения только с братом, поскольку они вместе вели дела. Когда Лиане исполнилось десять, он решил отвезти ее на каникулы в Европу и показать Париж и Берлин, Рим и Венецию. Когда в конце лета они вернулись домой, он потихоньку начал снова вспоминать друзей. Эра роскошных балов во дворце на Бродвее миновала, но Гаррисон начал понимать, что дочь одинока и нуждается в обществе своих сверстников. И он решился вновь открыть свои двери. Вся жизнь в доме сконцентрировалась вокруг Лианы: кукольные спектакли, походы в театр, поездки на озеро Тахо, где он купил симпатичный летний дом. Гаррисон Крокетт жил только ради своей обожаемой Лианы Александры Арабеллы.

Ее называли в честь обеих покойных бабушек и матери, все три женщины были красавицами, и в Лиане как бы соединились очарование и прелесть их всех. Она вызывала восхищение. Жизнь в роскоши нисколько не испортила Лиану. Она продолжала оставаться простой, открытой, спокойной и не по годам разумной. Многие годы она провела наедине с отцом, прислушиваясь к его беседам с братом о пароходах и о

политике тех стран, в порты которых его пароходы заходили. Сказать по правде, в обществе отца она была счастливее, чем со своими сверстниками. Когда она подросла, он стал повсюду брать ее с собой. Так весенним днем 1922 года она попала в консульство Франции.

Де Вильеры влюбились в нее сразу. В результате завязалась дружба между семьями де Вильеров и Крокеттов, которая в следующие три года только окрепла. Они часто путешествовали вчетвером. Арман и Одиль любили останавливаться в доме Крокеттов на озере Тахо, плавали с Лианой на Гавайи на пароходе Крокетта, а однажды Одиль даже взяла ее с собой во Францию. Одиль стала для девочки второй матерью. Гаррисон был счастлив, видя, что его дочь опекает женщина, которую он уважает и любит. Между тем Лиане почти исполнилось восемнадцать.

Следующей осенью Лиана поступила в Миллз-колледж. Одиль чувствовала себя плохо — она страдала от постоянной боли в спине, у нее появилось отвращение к еде, частые лихорадки и, наконец, ужасающий кашель, не прекращавшийся несколько месяцев. Сначала доктора не могли сказать ничего определенного, и Арман считал, что Одиль просто тоскует по родине. Он стал подумывать, не отправить ли ее во Францию. Однако фантазии такого рода были ей совершенно несвойственны, и Арман настоял, чтобы ее осмотрели лучшие врачи города. Он собирался отвезти ее в Нью-Йорк на консультацию к знаменитому врачу, которого рекомендовал Гаррисон, но вскоре выяснилось, что Одиль не сможет вынести такой поездки. Ей сделали операцию, в ходе которой стало ясно, что метастазы распространились по всему телу. Эту ужасающую новость Арман рассказал на следующий день Крокетту. В его глазах стояли слезы.

— Я не могу жить без нее, Гарри, не могу, — повторял он.

Гаррисон медленно кивнул, сам едва сдерживая слезы. Он слишком хорошо помнил боль, которую восемнадцать лет назад пережил сам. По иронии судьбы, Арману было сейчас столько же, сколько Гаррисону, когда он потерял Арабеллу, — сорок три.

Арман и Одиль были женаты двадцать лет, и он не мог представить жизни без нее. Но в отличие от Гаррисона у

них не было детей. Начиная совместную жизнь, они хотели иметь двоих или троих, но Одиль так и не удалось забеременеть, и постепенно они смирились с отсутствием детей. Со временем Арману стало казаться, что так даже лучше: ему ни с кем не приходится делить Одиль. Все эти двадцать лет между ними сохранялась атмосфера медового месяца. И теперь вдруг его мир рушился.

Сначала Одиль не знала, что у нее рак, а Арман всеми силами старался от нее это скрыть, но скоро она обо всем догадалась сама и поняла, что конец близок. В марте она умерла на руках у Армана. Как раз в тот день Лиана пришла к ней с букетом желтых роз. Она просидела у постели больной несколько часов. Одиль излучала почти неземное смирение. Когда Лиана встала, чтобы уйти, Одиль прикоснулась к ней с такой нежностью, словно хотела этим выразить всю свою любовь. Лиана на миг остановилась у двери, стараясь подавить рвущиеся из груди рыдания, и в этот момент Одиль взглянула ей прямо в глаза.

— Позаботься об Армане, когда меня не будет, Лиана. Ты добра и щедра душой.

Одиль хорошо знала Гаррисона; она понимала, что именно дочь не дала ему ожесточиться — Лиана будто обладала умением смягчать сердца тех, кто оказывался с ней рядом.

— Арман любит тебя, — сказала Одиль, улыбаясь, — вы с отцом будете ему очень нужны, когда я уйду.

Она говорила о своей смерти, как о путешествии. Лиана все еще старалась скрыть правду от себя самой. Одиль же хотела подготовить Лиану и Армана к предстоящей потере. Арман пытался заставить ее забыть о болезни, заводя разговоры о поездке в Биарриц, где они были так счастливы в молодости, о круизе на яхте вдоль побережья Франции и о путешествии на Гавайи на одном из кораблей Крокетта. Но Одиль снова и снова возвращала его к реальности, к тому, что должно произойти и произошло той же ночью, после того как она попрощалась с Лианой.

Одиль завещала, чтобы ее похоронили в Америке, а не везли во Францию. Она не хотела, чтобы Арман совершал это горестное путешествие в полном одиночестве. Ее родителей уже не было в живых, как и родителей Армана. И теперь

она жалела только о том, что у них с Арманом не было детей, которые были бы рядом с ним. Это она доверила Лиане.

Первые месяцы после похорон стали для Армана кошмаром. Он кое-как продолжал выполнять свои обязанности консула. Несмотря на тяжелую утрату, ему приходилось принимать высокопоставленных лиц, приезжавших в Сан-Франциско, устраивать дипломатические обеды. Лиана помогала ему, заботясь о нем так же, как привыкла заботиться об отце. Тем летом Гаррисон редко видел ее на озере Тахо, она отказалась даже от путешествия во Францию. Она помнила обещание, данное Одиль, и старалась быть достойной возложенной на нее миссии.

Время от времени Гаррисон внимательно присматривался к дочери, стараясь разглядеть, не скрывается ли за ее заботой об Армане нечто большее. Понаблюдав за ней некоторое время, он решил, что, пожалуй, то, что она делает для Армана, помогает ей справиться с чувством утраты. Смерть Одиль стала для Лианы страшным ударом. Своей матери она не знала, и в ее душе всегда жила потребность иметь женщину-друга, с которой она могла бы говорить о том, о чем не могла заговорить ни с отцом, ни с дядей, ни с друзьями. Пока она была ребенком, ее окружали гувернантки и няни. Друзей у нее было мало, а женщины, с которыми иногда проводил время Гаррисон, никогда не появлялись в его доме. Одиль заполнила этот вакуум; с ее уходом снова открылась брешь, которая, подобно ране, вызывала постоянную ноющую боль, и эта боль стихала только тогда, когда Лиана делала что-то для Армана. Она как бы вновь оказывалась рядом с Одиль.

К концу лета Арман и Лиана стали постепенно приходить в себя. Прошло уже полгода со дня смерти Одиль. Оба они хорошо запомнили один сентябрьский день. Они сидели в саду консульства, глядя на розы, и, кажется, впервые без слез разговаривали об Одиль. Арман даже вспомнил какую-то забавную историю из их совместной жизни, и Лиана смеялась. Они вместе, помогая друг другу, пережили горе. Арман протянул руку и сжал длинные нежные пальцы Лианы. В его глазах блеснули слезы.

— Спасибо тебе, Лиана.

— За что? — Она попыталась сделать вид, что ничего не

понимает, хотя, разумеется, прекрасно понимала, что он имеет в виду, ведь он так же много сделал и для нее. — Не говори глупостей.

— Я очень благодарен тебе.

— Просто мы были очень нужны друг другу. Без нее все так изменилось...

Он задумчиво кивнул.

Лиана вернулась на озеро Тахо, чтобы провести там последние две недели каникул. Увидев дочь, Гаррисон немало успокоился. Его сильно волновало то, что она постоянно помогает Арману. Ведь она и так слишком много времени уделяла заботам о самом Гаррисоне. Одиль де Виллер не раз убеждала его, что Лиана не может жить только заботами об одиноком мужчине. В ее возрасте нужны развлечения. Год назад девушка собиралась начать выходить в свет, но, когда Одиль заболела, Лиана отказалась от светской жизни.

Теперь Гаррисон снова заговорил об этом, ведь траур кончился и вечера дебютанток пойдут ей на пользу. Лиане все это казалось глупым и смешным: придется потратить кучу денег на наряды, танцы и вечеринки — напрасное расточительство. Гаррисон удивленно смотрел на дочь. Она была одной из самых богатых женщин Калифорнии, наследницей «Пароходных линий Крокетта»; он просто был не в состоянии себе представить, как мысль о расходах могла прийти ей в голову.

В октябре, когда начались занятия в колледже, Лиана уже не могла так же часто помогать Арману в организации дипломатических обедов. Да он и сам уже мог справиться, хотя горечь утраты все еще давала о себе знать. Он признался в этом Гаррисону, когда они вместе сидели за ленчем в клубе.

— Не буду лгать, Арман. — Гаррисон посмотрел на него поверх бокала. — Это так сразу не пройдет. Это не пройдет никогда, но будет уже не так, как сначала. Ты станешь вспоминать какие-то ее слова... платья... запах... Но по утрам ты уже не будешь просыпаться с ощущением, будто тебя завалили камнями.

Он слишком хорошо знал, о чем говорит. Официант наполнил ему второй бокал.

— Слава богу, тебе не придется переживать весь этот ужас снова.